

Культура - 2004 - 7-13 окт. - с. 5

"Ответа ждал от женщин и могил"

К 190-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова

Приходил по ночам В синеве ледника от Тамары, Парой крыл намечал, Где гудеть, где кончатся кошмару, Б.Пастернак, "Памяти Демона"

За девять месяцев до гибели, в октябре 1840 года, Лермонтов сообщает другу своему А.Лопухину: "Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, то есть отряд, возвратились после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков - разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то "авось" что-нибудь дадут (видимо, речь о награде. - И.Ф.); я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я успею их раскусить."

Успел. Раскусил. Написал "Валерик". Вообще говоря, это письмо, являющееся поначалу на письмо Татьяны к Онегину, то есть пародирующее его ("Я к вам пишу случайно; право! Не знаю как и для чего"), в свете нашего нового опыта и читается несколько иначе, нежели прежде. Тут надо процитировать пару строчек из более раннего письма к тому же Лопухину: "Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню, брать пророка Шамиля (выделено мной. - И.Ф.), которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке". Тон как тон, боной, офицерский, шуточный, не без лихости.

В стихах же все это звучит не так. "Быть может, небеса Востока/ Меня с учением их пророка/ Неволью облизали". Речь о Магомете? Естественно. Однако Лермонтов локализирует действие стиха, упоминает Ермолова, Чечню, Аварию, дает ту картину, за которую его поныне любят кавказские люди: "У реки, следуя пророку/ Мирной татарин свой намаз/ Теорит, не подымая глаз;/ А вот кружок сидят другие/ Любю я цвет их желтых лиц/ Подобный цвету наговиц/ Их шапки, рукава худые/ Их темный и лукавый взор/ И их гортанный разговор". Напоминание: "мирной татарин" - кавказец, тот же чеченец, только он не воюет против русских. Однако Лермонтов, как и в случае с пророком, повторяет: "Чеченец посмотрел лукаво/ И головою покачал". Это наш чеченец, мирной татарин. А посмотрел он лукаво и покачал головою при таких словах кого-то из русских воинов: "Да! будет, кто-то тут сказал, / Им в память этот день кровавый!"

К несчастью, все это актуально. Лермонтова, явившего доблесть в валерикском сражении и представленного к награде, не наградили, так сказать, поделом. "Люблю я цвет их желтых лиц... и т.д." Жаль, что им отбросены, оставлены в черновики такие безжалостно сильные строки, как "Чечня встала вся кругом" или "Как птиц, нас быт со всех сторон". Выходит, актуально то, что вечно. По крайней мере - долговременно. При Валерике он уцелел - это было разве за год до Машука. Тоже в июле.

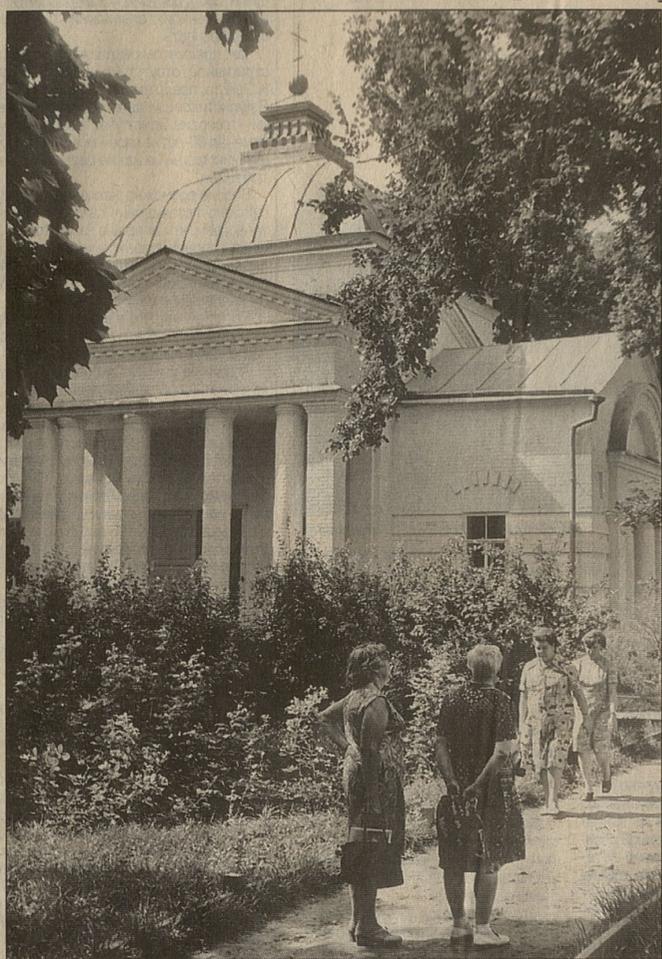
Кавказ у Лермонтова - вотчина Алпах. Обращаясь к Казбеку, он говорит: "Но сердце твоего моленья/ Да отнесут твои скалы/ В надзвездный край, в твои владенья/ К престолу вечному Альп". Нет, я не настаиваю на том, что пророк из "Валерика" - именно Шамиль. Но в лермонтовском сознании, скорей всего, Магомет - как общесимволический образ пророка - персонажифицировался в этом имени, в этой фигуре. В этом смысле он не отличался от современного ему чеченца. Это и есть взгляд изнутри, внутренне это, вполне пророческое.

"Не смеялся над моей пророческой тоскою/ Я знал: удар судьбы меня не обойдет/ Я знал, что голова, любящая тобою/ С твоей груди на плаху переидет... Конечно же, "обойдет" - переидет" - ключевая рифма, но важнее другое: изначальная установка на пророческий пафос, понимаемый как суть поэзии. В данном случае - пророческая тоска, а не гнев, не обличительство, не бичевание мирового зла. Удар судьбы, обороченная голова, плаха - плата за поэтический дар.

Образ Андре Шенье, погибшего на плахе Французской революции, тревожил и Пушкина, но не в качестве поведенческого ориентира, или по крайней мере не в первую очередь именно так. Пушкин оплакивал Шенье: "Плачь, муза, плачь!". - Лермонтов примеривал к себе. (Скажем в скобках: "Из А.Шенье" Боратынского - стихи о смерти, возражающие ей: "И далеко иду, как жребий мой ни струг/ И жить и бедствовать услужливый предлог.")

Лицеиста Пушкина томило тревожное сомнение: "Я много обещаю/ Исполню ли? Бог весть". Лермонтов с самого начала знал, на что шел. На гибель. Отсюда вышла целая трагическая традиция - надо ли называть имена самоубийц и самоубийц? "Лермонтов, мучитель наш" (Мандельштам). Его не покидает чувство сиротства. Семейная драма преследует его. "Ужасная судьба отца и сына/ Жить розно и в разлуке умереть". Песня рано умершей матери, слышанная им в трехлетнем возрасте, сопровождает его до конца. Эту песню вместе с материнской душой поэт передает ангелу: "Он душу младую в объятиях нес/ Для мира печали и слез/ И звук его песни в душе молодой/ Остался - без слез, но живой". В поисках родства он прислушивается к далекой "арфе шотландской".

Концовкой "Пророка" - "Смотрите, как он наг и беден/ Как презирают все его!" - он захлопнул дверь, ушел: это его последнее стихотворение. Но оставил свободу всяческих истолкований, вплоть до высказательных и

Лицеиста Пушкина томило тревожное сомнение: "Я много обещаю/ Исполню ли? Бог весть". Лермонтов с самого начала знал, на что шел. На гибель.

Слева: в музее-усадьбе "Тарханы". Справа: памятник М.Лермонтову работы О.Колова. Внизу: "Эпизод из сражения при Валерике". Рисунок М.Лермонтова

Лермонтов закрепила в стихе ту ненависть к себе ("нашему поколению"), те муки совести, которые и породили порывы отечественного самообновления.

спекулятивных. Задним числом все можно. Можно, скажем, поймать молодого автора и на ложных пророчествах. Если вглядеться в знаменитую "Думу", сбросить с уст школьную заученность таких строк, как "Печально я гляжу на наше поколение/ Его грядущее - иль пусто иль темно", - что получится? Вот что. "Наше поколение" - это в том самом грядущем поколение русских реформ 60-х годов. Александр II родился в 1818-м, четырьмя годами позже Лермонтова. Сверстник, в общем-то. Помимо реформ, он, как известно, вел широкую колонизацию соседних территорий. В 1864-м был присоединен Кавказ. Лермонтову стукнуло бы 50, неплохой возраст для осознания пройденного пути. "Топкой урюжюю и скоро позабойтой/ Над миром мы пройдем без шума и следа/ Не бросивши векам ни мысли плодотворной/ Ни гением начатого труда". Поэт промахнулся, все оказалось ровно наоборот. Но поэтическая правда "Думы" в другом. Он закричал в стихе ту ненависть к себе ("нашему поколению"), те муки совести, которые и породили порывы отечественного самообновления. Обликая поколение, Лермонтов закрывает глаза на то обстоятельство, что его "Смерть Поэта" распространяли не какие-то там подпольщики, но молодые чиновники департамента государственных имуществ и департамента военных поселений. Ну а то, чем это кончилось, - дело рук совершенно иных поколений. Тех самых "детей", которые знали "Думу" наизусть, бросая ее в лицо "отцам" вместе с бомбой под царскую карету. Впрочем, стихов они не любили. Но в ходах истории поэт не повинен.

Кстати, о "Смерти Поэта". Эту сатиру - автор первоначально осознал ее злостью - трудно считать самым совершенным лермонтовским шедевром в сугубо поэтическом смысле. Не сравнить ни с "Воздушным кораблем", ни с "Тамарой", ни с "Казачьей колыхальной песней", например. Коробит и педантизируемая "жажда мести", "напрасная жажда мщения" - Пушкин умер, всех против. Сия жажда одолевала автора инвективы. Он передал ее своему герою. Возмездие, как известно, - синоним юности. Состояние дуального Пушкина точнее было бы определить как отчаяние. Впрочем, и это грех в свете христианства. Но у юного Лермонтова с Богом отношения непростые. Он говорит, что его судья - "Бог да совесть", отчетливо разделяя эти понятия. "И пусть меня накажет тот/ Кто избрал мой мученья". С таким изобретательством челоуковских мучений не отслаивалась духовная цензура при посмертной публикации стихотворения "Я не хочу, чтоб свет узнал...". сны эти две строчки. Лермонтовский Демон - "порочный мученик". Лермонтов призывает "вестника избавления", дабы тот пришел "Поведай - что мне Бог готовил/ Зачем так горью прекословил/ Надеждам юности моей". Это спор с Богом. Шестнадцатилетний подросток бывает не по годам трезв. Он констатирует: "Есть сумерки души" (предвестие "Сумерек Боратынского"), продолжает: "Душа сама собою стеснена/ Жизнь ненавистна, но и смерть страшна/ Находишь корень мук в себе самом/ И небо обвинить нельзя ни в чем".

Наконец, главный герой нашего поэта - Демон, падший ангел, и основная, центральная пророчба в "Молитве" (назовем ее "Молитва"-37 - по году написания, поскольку была и "Молитва"-40, не говоря уже о самой ранней, еще совсем ученической "Молитве"-29): "Ты воспринять пошла к локу печальному/ Лучший ангела душу предавшую". Лучший ангел предположительно худший. "Так любю вместо Боже-

его величия/Чертиль с улыбкибкой демонишкой чертеж!" (М.Кузмин). Сердито-саркастическая "Благодарность" лишь на вид посвящена женщине - на самом деле объектом той "благодарности" был Бог. "Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне/ Не делало я еще благодарил; - большое Т было заменено строчным для обмана цензуры.

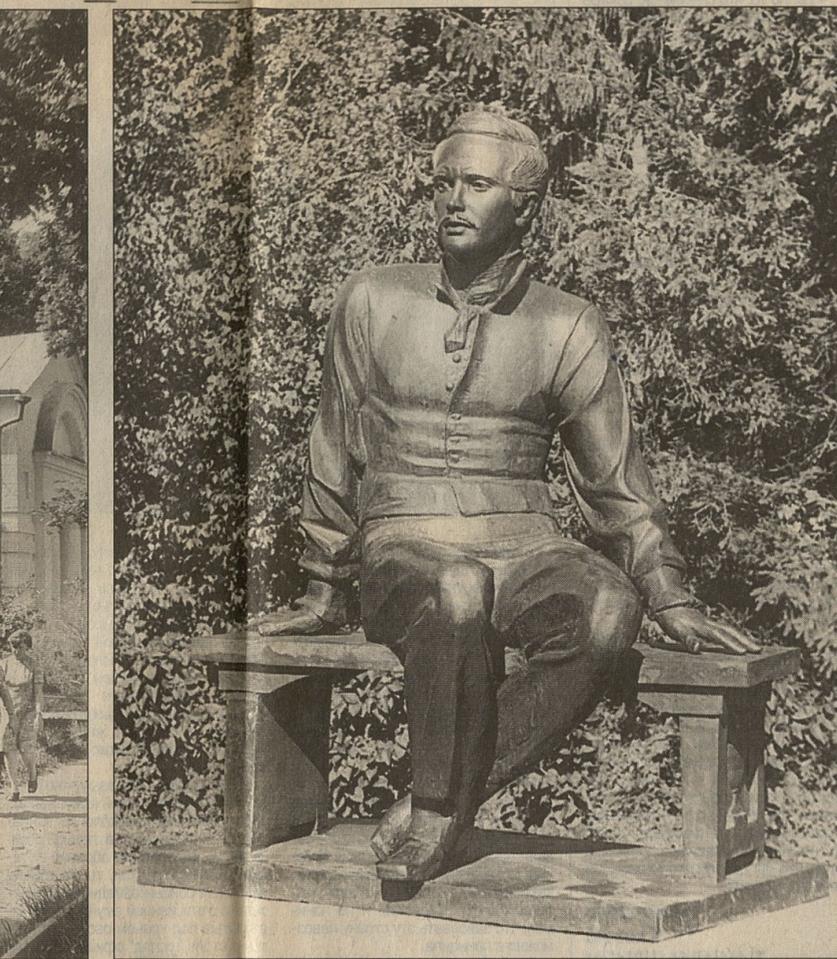
Как бы он ни продумывал свои вещи, как бы он ни контролировал каждый звук, ему по сроду приключенное более раннее вдохновение и стиха. Не без горьковатой веселости отменяя у себя "общую армейскую нарядность" ("Нет, не похож я на поэта!" - достаточно посмотреть на его автопортрет в буре, написанный в 1838 - 1839 году: худосочный, печальный, некрасивый мальчик), он принял литературу как профессию относительно поздно - для себя, в рамках отведенной ему жизни - в 23 года. Но еще раньше, в ранней молодости, он уже мечтал о "литературной карьере". Он "старался" (один из любимых его папаголов) - со стихом, со словом бился до предела отчаянно. У него было море написанного. Оно оставалось в столе, и это давало ему возможность распоряжаться в своем хозяйстве совершенно по-хозяйски.

Он тасовал стихи, строфы, строчки. Обращаясь к В.Лопухину стихотворением "Расстались мы, но твой портрет...". он попросту перерабатывает более раннее стихотворение "Я не люблю тебя; страсти!", обращенного к Е.Хвостовой (Сушковой). Характерная переадресовка. Свидетельство идеального адресата. Реальная женщина не то чтобы ни при чем, но стих практически всегда идет поверх женских головок, как бы те ни волновали поэта. Это особый отцентризм стиха. Самоцель, в сущности. В итоге - Лаура, Беатриче, Прекрасная Дама, зовите это как хотите. И это происходит вне зависимости от человеческого намерения автора, желающего, допустим, польстить dame, утешить ее или даже увековечить. Стих живет своей целью.

Он собирался написать цикл "Восток" - и начал его: "Тамара", "Спор", "Свиданье". Высочайший юноша вселенной (Ахмадулина), в "Споре" он смотрит на Восток поистине с высоты орлиного полета: от Тифлиса до Нила. Россия, идущая на Восток, - не Запад, но Север. В "Тамаре" считается, содержится переключение кавказского предания о Даре, которая предельно была с путниками оные зверства. Однако Лермонтов был слишком захвачен мотивами феи, чтобы не отреагировать на легенду о Лорели. Блес Тамары, описанный Лермонтовым, - зовущий, страстный женский голос со скалы - тот же самый голос. В немецком варианте ойматели полюбви гибнут, не достигнув своей сладостной цели. Лермонтов проливает идеальной немецкий материал густой эротикой, ныне несколько смешанной, надо сказать: "И странное, дикое звуки/Всю ночь раздавались там". Но такова высота его, лермонтовского, голоса: декоративно-оперная атрибутика, как и в случае с Демон, осыпается с его стиха. Остается "Сияние неутоленных глаз/ Бессмертного любовника Тамары" (Ахматова). "Тамару" он написал сразу же после "Они любили друг друга...". - прямой перевод из феи. Вслед за "Тамарой" он пишет "Морскую царевну" - и что мы там видим и слышим? Все та же коллизия - манящий женский голос. Но на сей раз произошло нечто противоположное. Жертвой становится она (царевна), а не он (царевич). Некий реванш. Мужская натура поэта не смогла ступить жестокой восточной красавице все ее ненастные преступления.

Но лермонтовский автогерой и сам не лишен черт, вполне вписанных в атмосферу тех страстей. В "Свиданье" он берет за винтовку, что называется, на почве ревности. В этой балладе, на ее глубине, течет тонкий яд иронии, мерцает оттенок пародии (это уловил Маяковский): "Налей гусару, Тамарочка!" - пародируется опять-таки Пушкин: ученик продолжает латентную схватку с учителем. Пушкинское "тяжелое звонкое скаканье по потрясенной мостовой" обречает на потрескивание "Я знаю, чем утешенный/ По звонкой мостовой/ Вчера скакал как бешеный/ Татарин молодой". Медный Всадник преобразуется в лихого джигита.

Прошу не верить сей сухой аналитической логике. Надо верить стихам. Когда поэт говорит (относительно Наполеона): "В снегах пылающей Москвы!" ("Последнее новоселье"), не надо заглядывать в исторический календарь с педантизмом климатолога. Да, Наполеон вошел в Москву ранней осенью, снегов никаких не было. Москва горела со 2 по 8 сентября 1812-го. Но поэтическая истина - нечто иное. У Лермонтова она, эта истина, - в снегах пылающей Москвы. Оплакивая и воспевая вчерашнего врага своего Отечества, Лермонтов наверняка не забывает простейшего факта: он родился в год взятия русскими войсками Парижа.

лейном обеде в честь Гоголя у М.Погодина. Да и Гоголь не пленился молодым офицером-зловосмом. Между прочим, внешне он походил на другого старшего собрата - Хомякова, и на сей счет существует лермонтовский рисунок: белый портрет Хомякова смахивает на автопортрет. Но там нет мрачности. Мрачность, пасмурность он оставляет себе. "Он, этот Лермонтов могучий/сосредоточен, добр и зол/как бы светящаяся туча/по небу русскому прошел", - говорит Я.Смеляков, как бы идя по следам совершенно чуждого ему Бальмонта: "О, Лермонтов, презрением могучим/К бездушным людям, к мелким их страстям/Ты был подобен молниям и тучам/Бегиши по нетронутому путем/Де только гром гремит псалмом певучим". Лермонтов сводит антиподов.

Е.Сушкова свидетельствует: Лермонтов отрицательно воспринимает благородный пушкинский жест - "Я вас любил так искренно, так нежно/Как дай вам Бог любимой быть другим", опровергая его стихами Боратынского: "Другим курил я фимиам/Но вы носил в святые сердца/Другим молился божевам/Но с беспокойством староврача!" Он не может отдать любимую женщину, память о ней - другому. Эта позиция надиктовала ему много стихов, "Любовь мертвеца" - последнее из стихотворений подобного рода. Оно написано по знакомому ритмико-синтаксическому лекалу: "Моя звезда я знаю, знаю/ И мой бокал/ Я наливаю, наливаю/ Как наливал" (Боратынский, "Звезды"). Вот что у Лермонтова говорит голос из могилы: "Ты не должен любить другого/ Нет, не должен/ Ты мертвец святыни слова/ Обручение". Между тем Лермонтов в том же разговоре с Сушковой сказал: "А все-таки жаль, что я не написал эти стихи, только бы я их немного изменил". Он написал свое. И изменил много. Прав Брюсов: "Ответа ждал от женщины и могил!"

В драматической сцене "Журналист, читатель и писатель" Лермонтов без сарказма вкладывает самозниранию в уста писателя: "О чем писать? Восток и юг/Давно описаны, воспеты/Толпу ругали все поэты/ Хвалили все семейный круг/Все в небесах неслись душою/ Зывали, с тайною мольбою/К N.N., невведомой стране, - /И страшно надоело все".

В "Журналисте, читателе и писателе" интересно многое. Поэт тут у Лермонтова - именно писатель: не певец, не жрец, не пророк и проч. Это профессиональный статус, знак ремесла.

На мой взгляд, из рифмы "болезнь - песнь" выросла поэма Пастернака "Высокая болезнь". Это не преувели-

чение. В поэзии важно и зачастую плодотворно все - малейший намек, оттенок звука. На таких рифмах (из "Демона"), как "шумели - ушелье" или "сонной - иконой", уже лишенных сузубо визуальной точности, развивалась вся поэзия XX века. Из "Воздушного корабля", в частности, из строки "Не слышно на нем капитана" - вышел ранний Гумилев, "Капитаны", а следом - многие и многие.

В "Воздушном корабле" есть строка "Идет и к рулю он садится". Срыв автора. У руля не сидят. А стоят. Корабль - не лодка, из которой его пыталась выбросить таманская ундина. Он любил старых поэтов. Его наставником в литературном кружке Московского университетского пансиона был С.Е. Раич, тот самый Раич, который в свое время наставлял науку стиха Тютчева. Он передоверил им опыт первоначального, архаического, торжественного русского стиха. Под мудрым оком Раича выросла и поэтесса Евдокия Ростопчина. Вот откуда эти лермонтовские строки, ей посвященные: "Я верю: под одной

звездой / Мы с вами были рождены...". Стихийность лермонтовского дара равна осознанности его мастерства. "Он думал: это охлаждение/ А это было мастерство" (В.Соколов). С учетом его молодости это удивительно вдвойне. Вот почему он мог безбоязненно стилизовать фольклор. Опасность фальши в этой сфере подстерегает каждого, кто дерзнул заговорить по-народному. У Лермонтова же "Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова" звучит так же естественно, как и "Бородино", где речь идет от лица, можно сказать, Максима Макумыча. Не надо натяжек, но "Песня про царя..." как и "Смерть Поэта" - это 1837-й, год пушкинской гибели. К слову, Кирибеевич - "буурманский сын" (условно говоря, как Дантес, как Барант...), и можно проследить перевернутость ситуации, то есть: что бы было, кабы победил на том поединке другой человек - с детьми, женой и царским посмертным пенсионом. Пушкин, например.

Белинский сказал о "стальной прозаичности" Лермонтова, имея в виду его трезвую зоркость и предметную хваткость - в стихах. Но есть феномен лермонтовской прозы как таковой. Так рано и с таким успехом начал в прозе разве что Гоголь. Но случайно ли "Мертвые души" - поэма? В подоплеке прозаических сочинений того и другого - поэзия. Она и есть ключ к пониманию их ранней прозаической зрелости. Но сам Гоголь весьма критично смотрел на Лермонтова, признавая за ним лишь прозу. Гоголь был не одинок в отрицании лермонтовской поэзии. Лермонтов впитал в себя всех, кто был до него и рядом с ним. В России и в Европе. Вот неполный перечень поэтов, повлиявших на Лермонтова: помимо Пушкина - Жуковский, Боратынский, Марлинский, Подолгинский, Козлов, Полежаев, Дмитриев, Грибоедов, Хомяков, Мерзляков, Батшюков, Рылеев, Байрон, Мильтон, Мур, Миоссе, Арно, Альфред де Виньи, Барбье, Цедлиц (Зейдлиц), Гёте, Гейне, Ламартин, Шатобриан, Мицкевич, Гого, Шиллер, Шекспир... Это не все, и это лишь те, о которых говорит наблюдательная филология. Заметим - тут немало имен так называемого второго ряда. Лермонтов действительно обобщил весь опыт предшествующей ему классики.

В Пятигорске есть лермонтовская могила, но в ней нет Лермонтова. Тело поэта было увезено в Тарханы, где и хранится в свинцовом гробу незаоноренным. Такого его последнее новоселье, делящееся поныне. Он лежит в деревянной крышке, подобно воспомыту им императору, чей прах посещает международный турист в парижском Доме инвалидов. Бывают странные обличия. В посмертном бытии он навсегда слился с Врубелем. Поэты переписываются врубелевского Демона. Так было у Пастернака (см. эпиграф), так пел Блок: "На дымо-лиловые горы/Принес я на луч и на звук/Усталые губы и взоры/И плети изломанных рук" - пел Блок, все-таки возвращаясь к Лермонтову как таковому: "Пусть скачет жених - не доскачет/ Чеченская пуля верна".

Влияние Лермонтова на последующую поэзию грандиозно. Пастернак признавался: "Лермонтов... оказал на меня почти такое же влияние, как Евангелие - и пророки".

Влияние Лермонтова на последующую поэзию грандиозно. Пастернак признавался: "Лермонтов... оказал на меня почти такое же влияние, как Евангелие - и пророки".

Первое впечатление от поэта важно, разумеется. Но подлинная цена поэта определяется совокупностью всего им сделанного. Так и случилось с Лермонтовым. Он вырос во времени и со временем. Он и сейчас растет. "Выйдем вдвоем на дорогу/ где, не дожидаясь седина/ юноша выплакал Богу/ душу один на один".

Илья ФАЛИКОВ

Фото Аркадия ПЛЯМОВАТОГО